

JEL classification: J31, N34, P27
УДК 94(470)
DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(3).463-490

С.Ф. Володин

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула, Российская Федерация*

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ)

Аннотация. Предметом статьи является осмысление феномена стахановского движения в контексте управления эффективностью труда во второй половине 1930-х гг. XX в. С позиции единства предмета исследования, преемственности и развития, автор статьи рассмотрел истоки и слагаемые стахановского движения. Среди важных предпосылок стахановского движения автором отмечаются такие новые явления советской экономики как увеличение энерговооруженности рабочих, рост их технической грамотности, общей культуры, повышение роли материальных стимулов труда. Сам же стахановский метод повышения производительности труда основывался на строгой специализации квалифицированного и вспомогательного труда, рационализации технологического процесса, осмыслении и передачи передового опыта, политическом руководстве движением. Вместе с тем, стахановское движение имело негативные стороны, о которых немало писали отечественные и зарубежные историки. Вследствие организации стахановских смен, пятидневков, месячников нарушалась ритмичность производственного цикла. Определенные издержки имела и практика расширение прогрессивно-сдельной формы оплаты труда. В содержание стахановского движения включался принцип усиления психофизической нагрузки на работника, что вызывало сопротивление со стороны трудящейся

Володин С.Ф. Стахановское движение и эффективность труда

массы. Тем не менее, стахановское движение сыграло свою роль в повышении производительности труда на основе освоения новой техники и действенности материальных стимулов, в утверждении особенного исторического феномена — советского индустриального патриотизма.

Ключевые слова. Нормирование труда, производительность труда, рационализаторство, социалистическое соревнование, стахановское движение.

Информация о статье. Дата поступления 11 мая 2021 г.; дата принятия к печати 12 июля 2021 г.; дата онлайн-размещения 26 августа 2021 г.

S.F. Volodin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, the Russian Federation*

STAKHANOVITE MOVEMENT AND THE POLICY OF LABOUR EFFICIENCY IMPROVEMENT IN THE SECOND PART OF THE 1930s (BY THE EXAMPLE OF TULA GUNSMITHS)

Abstract. The article considers the phenomenon of Stakhanovite Movement in terms of labor efficiency management in the second part of the 30-s of the 20th century. The author describes the sources of Stakhanovite Movement based on unity of research subject, succession and development. According to the research, the main prerequisites of Stakhanovite Movement include such new phenomena of the Soviet economy as increase in power availability of workers, enhancing their technical literacy, raising the level of workers' general culture and the role of labor financial incentives. The Stakhanovite method of improving labor efficiency was based on specialization of qualified and supplementary labor, rationalization of technological process, transfer of best practices and political management of Stakhanovite Movement. At the same time, Stakhanovite Movement had some drawbacks, which were widely described by national and foreign historians. The rhythm of production cycle was regular-

ly disrupted due to arrangement of Stakhanovite shifts, five-day working weeks and month's campaigns. The expanding progressive piece-work pay system also had some disadvantages. The Stakhanovite Movement content included the strengthening of psycho-physical pressure, which workers were strongly opposed to. Although Stakhanovite Movement played a very meaningful role in labor efficiency improvement based on technological advancement and new financial incentives that led to establishing the Soviet industrial patriotism, a new historical phenomenon.

Keywords. Labor standardizing, labor efficiency, rationalization, socialist competition, Stakhanovite Movement.

Article info. Received May 11, 2021; accepted July 12, 2021; available online August 26, 2021.

Одним из самых ярких явлений в социально-экономической жизни советского общества во второй половине тридцатых годов прошлого века было стахановское движение, оказавшее чрезвычайно глубокое воздействие на социальную ткань советского производства. Это воздействие было настолько мощным и глубоким, одновременно неоднозначным и противоречивым, что с самого своего рождения и до сегодняшнего времени порождает целую палитру разнообразных мнений и суждений [1; 2]. В этой связи кажется отнюдь не случайным и устойчивый интерес современных историков к этому яркому и противоречивому феномену. Это — публицистически окрашенное внимание к личности Алексея Стаханова, вообще к феномену движения [3]; попытки нового прочтения явления [4; 5], исследовательский интерес к его отдельным аспектам [6; 7], в том числе региональным и отраслевым особенностям [8–10]. Очевидно, для более углубленного понимания стахановского движения требуется серьезное продвижение прежде всего в отношении теоретического осмысления огромного эмпирического массива данных. Основой такой работы должен стать синтез подходов экономической и социальной истории, социологии

знания и истории повседневности. Производственные процессы должны рассматриваться с позиций актуальных мотивов и поступков людей, включенных в контекст экономических отношений. И немалую пользу здесь может принести обращение к историографическому наследию как отечественных, так и западных исследователей, которые сумели раскрыть важнейшие стороны движения, его предпосылки и последствия. Поэтому, исходя из обозначенной предметной стороны, мы видим цель настоящей статьи в том, чтобы на основании достижений историографии и привлечения архивных источников, относящихся к производственным процессам в тульской военной промышленности во второй половине 1930-х гг., проанализировать основные стороны стахановского движения, обозначить перспективы его дальнейшего изучения.

Будучи крупным социальным явлением, стахановское движение развивалось как живой социальный процесс со множеством граней и противоречий. «Другими словами, стахановское движение было не только тем, чем ему предполагалось быть. Политические директивы, спущенные сверху, трансформировались так, что стахановское движение стало чем-то меньшим и одновременно чем-то бóльшим, чем это предполагалось и официально санкционировалось» [2, р. 7]. Стахановское движение являлось прямым наследником ударничества, поскольку включало в себя многие формы и методы предшествующего движения (повышенные нормы выработки, особое снабжение, внимание к обмену опытом и т.д.). С другой стороны, оно несло в себе важные изменения в рамках политики «шести условий», когда больше внимания стало уделяться заработной плате, прежде всего сдельной, в качестве стимула повышения производительности труда. Безусловно, оно также отражало и изменения внутри продолжающейся политики форсированной индустриализации в рамках так называемого «неонэпа» (термин Р.У. Девин-

са), начавшегося весной 1932 г. Речь идет о реабилитации советской торговли и хозрасчета, о разрешении колхозам и колхозникам сбывать продукцию «по ценам, складывающимся на рынке». И хотя неудачи «неонэпа» в 1932–1933 гг. повлекли за собой ужесточение контрольно-репрессивных мер, в 1933 г. «благодаря введению всеобщего финансового контроля, включающего жесткий контроль над заработной платой, был стабилизирован рубль. Хозрасчет стал одним из главных факторов экономики» [11, с. 206]. Началась отдача от огромных капиталовложений первой пятилетки. Не случайно 1934, 1935 и 1936 годы характеризовались Наумом Ясным как «три хороших года». Последовавшая затем отмена карточного снабжения существенно подняла значение заработка в качестве средства стимулирования труда. И, главное, сама логика второго пятилетнего плана (освоение построенных мощностей) диктовала рост производительности труда. Рост крупной промышленности в 1932–1937 гг. был запланирован на уровне 124,5 %, а число рабочих только на 36,6 %. То есть производительность труда должна была возрасти на 63 %, что должно было обеспечить 40 % рост промышленного производства [12; 13].

Очевидно, что такой рост производительности труда нельзя было достигнуть автоматически, даже с учетом возрастающей отдачи от вводимого в строй новейшего оборудования. Это вполне ясно осознавало и хозяйственное руководство страны, определив в качестве одного из основных инструментов решения этой проблемы новую постановку вопросов нормирования¹. А это было ключевым моментом контроля над ритмом и способами работы. Ведь в годы первой пятилетки квалифицированные рабочие, опасаящиеся девальвации своих навыков и снижения собственного

¹ Одной из причин преобладания на предприятиях СССР опытно-статистических норм, безусловно, являлась нехватка опытных нормировщиков.

престижа, оказывали жесткое сопротивление новым технологиям и институционализации технического мер контроля. В этих обстоятельствах руководители предприятий, от которых зависело нормирование, соблюдали гибкость. Идеальной нормой с точки зрения такого осторожного руководителя была та, которая не столь высока, чтобы рабочие не искали работу в других местах, и не так низка, чтобы обеспечивать выполнение производственных задач. Поэтому предприятиям фактически разрешалось подправлять периодические устанавливаемые сверху нормы.

XVII партийная конференция в феврале 1932 г. провозгласила: «в основу правильной организации труда и внутризаводского планирования должно быть положено техническое нормирование»². То есть высшее руководство, по всей видимости, планировало серьезное наступление на сложившуюся практику нормирования. Ведь уже с начала 1933 г. утвержденные расценки и нормы больше не нуждались в подтверждении Расценочно-квалификационной комиссии (РКК)³. Ее задачи теперь заключались в мобилизации рабочих на их выполнение, в систематической борьбе за максимальное применение сдельщины и технических норм⁴. Тем самым понятие «техническое

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : 1898–1971 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. 8-е изд., доп. и исправ. М. : Политиздат, 1971. Т. 5: 1931–1941. С. 29.

³ Расценочно-конфликтная комиссия — орган по разрешению трудовых споров на предприятиях был утвержден решением Наркомтруда СССР 12 декабря 1928 г. Предварительному рассмотрению в РКК, как основной первичной инстанции, подлежали в том числе вопросы об оплате при недовыработке нормы, об оплате брака, оплате простоев, о размере причитающейся премии, об оплате сверхурочных работ и др.

⁴ Здесь следует различать технические нормы для оборудования, то есть собственно техническую спецификацию оборудования («паспорт») и «технические нормы» выработки, определяемые с помощью хронометража.

нормирование» становилось политическим инструментом. Смысл его заключался в замене коллективных соглашений, маскирующих эгалитаризм и персональную безответственность, индивидуальными нормами и расценками [14, р. 57].

С другой стороны, сам способ определения технических норм подвергался в этот период жесточайшей критике со стороны руководства Народным комиссариатом тяжелой промышленности (НКТПи) и Народным комиссариатом путей сообщения (НКПС). Их явно не устраивали технические лимиты оборудования, мешающие «выжать» из техники все возможное. И тем самым выполнить напряженные плановые задания. В частности, Л. Каганович развернул в НКПС жесткую кампанию против «предельщиков». Поэтому рекорд А. Стаханова⁵, а затем и достижения его последователей, стали рассматриваться как орудие борьбы против «отсталых» технических норм. Как писал советский экономист-трудолик И. Кузьминов: «Процесс разрушения старых норм был процессом острой борьбы передовых людей рабочего класса со старыми представлениями и традициями в области использования техники, с живыми людьми, носителями этих представлений» [15, с. 98]. То есть стахановские рекорды содействовали повышению норм выработки поверх технических норм. Правда, сами эти рекорды соотносились с нормами выработки, поскольку определялись и оплачивались в отношении их. И здесь возникал существенный методический вопрос: из чего исходить при определении общих норм выработки с учетом достижений стахановцев? Ответ дал непосредственно Сталин: «Нам нужны такие технические нормы, которые

⁵ В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. Алексей Стаханов выдал на-гора 102 т угля, что превышало действующую норму забойщика в 14 раз, а поскольку ему помогали два опытных крепильщика, то в пересчете на каждого рабочего было добыто в 6 раз больше нормы.

проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины» [16, с. 372–373].

Сталинскую линию «усреднения» норм утвердил декабрьский (1935 г.) пленум ЦК ВКП(б), который осудил преобладание в практике нормирования так называемых опытно-статистических норм и провозгласил: «В основу пересмотра проектных мощностей положить новые, повышенные технические нормы. Эти технические нормы, определяющие мощности отдельных агрегатов оборудования, составлять на основе проверенного опыта лучших стахановцев»⁶. НКТП, например, предстояло составить новые паспорта на многие миллионы станков и аппаратов, а также технологические процессы к концу 1936 г. И при этом комиссариату предписывалось приступить в начале 1936 г. к пересмотру норм выработки «в сторону некоторого повышения», для чего предварительно созвать отраслевые конференции. И достаточно быстро, уже весной 1936 г., нормы выработки были увеличены в зависимости от отрасли. В каменноугольной промышленности они, в частности, увеличились на 22–27,5 %, в машиностроении — от 28,5 до 55 % [15, с. 106].

По данным выборочных обследований, проведенных в конце 1936 г. и в марте 1937 г., повышенные нормы к концу 1936 г. были уже освоены, а в отдельных отраслях промышленности значительно перевыполнялись. В марте 1937 г. в основной химии нормы в среднем выполнялись на 130,5 %, в черной металлургии — на 137,9 %, в машиностроении и металлообработке — на 138,7 %. Более «падающее» повышение норм в 1937 г. дало тот же эффект. Если в июне 1937 г. рабочие, занятые в обработке металлов в машиностроении, в среднем выполнили нормы на 130 %, то в июне 1938 г. — на 158,3 %. Причем доля рабочих, не

⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : 1898–1971. С. 236.

выполнивших нормы, уменьшилась за этот период с 21,7 % до 9,5 % [15, с. 108, 137; 17, с. 77].

Такой результат, то есть устойчивое выполнение пересматриваемых норм в течение второй половины 1930-х гг., нуждается в более пристальном внимании. Наиболее общее объяснение этому — революционные технологические изменения в советской экономике — в целом верно. Достаточно отметить, что за годы первой пятилетки процентная доля механизированной добычи по всей угольной промышленности СССР выросла почти в три раза. А в целом вооруженность одного рабочего основными средствами, несмотря на большой рост численности рабочих, повысилась за этот период в два раза [15, с. 63; 18, с. 184]. Верно также и то, что начали давать отдачу существенные вложения в систему начального технического образования. Число учащихся в школах ФЗУ и типа ФЗУ по всей промышленности возросло с 1928 по 1932 г. в 5,4 раза, а по тяжелой промышленности в 10 раз. Всего за годы первой пятилетки школы ФЗУ промышленности подготовили 450 тыс. рабочих. Помимо этого, производственно-политехнические курсы и организованные на их основе в 1933 г. производственно-технические курсы первой ступени, готовившие рабочих массовых квалификаций, выпустили за время своего существования (с 1931 по 1935 г.) по НКТП свыше 650 тыс. чел. [15, с. 80–82]. Сыграло положительную роль и постановление правительства о техминимуме (1932 г.). Оно устанавливало обязательные требования для рабочих, обслуживающих сложные агрегаты и установки. В целом же, по признанию Сталина, «то, что было проделано в Европе в продолжение десятков лет, мы сумели проделать вчерне и в основном в течение 3–4 лет. Издержки и перерасходы, поломка машин и другие убытки окупились с лихвой» [19, с. 48].

Между тем все эти условия не являлись сами по себе стимулами для затрат живого человеческого труда.

Ключевое значение здесь играла политика заработной платы применительно к условиям второй половины 1930-х гг. Снижение реальной заработной платы в течение первой пятилетки и открывшиеся возможности ее повышения вследствие политического поворота «шести условий» становились сильными экономическими средствами для роста производительности труда. Широкое распространение прогрессивной сдельщины на самом деле определяло неплохие возможности для молодых, технически подготовленных кадров воспользоваться шансом для повышения своего материального благополучия. Да и социально-политическая законность материального интереса была подтверждена самим вождем партии, заявившим на форуме стахановцев, что социализм может победить «на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества» [16, с. 364]. И своей знаменитой фразой «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» Сталин выразил то, что позднее Вера Данхэм назовет сталинским “Big Deal”⁷.

Надо отметить, что с началом стахановского движения его первопроходцы немало получили в плане материального стимулирования. Помимо существенного роста своих заработков они стали получать натуральное премирование, прежде всего, жилье. Вот как обстояли дела с этим в автотракторной промышленности. Новатору отрасли Бусыгину руководством ГАЗ уже в начале октября 1935 г. была предоставлена квартира с полной обстановкой за счет завода. Также к началу 1936 г. новые квартиры с полной обстановкой получили 60 стахановцев Сталинградского тракторного завода. Кроме того, для ремонта квартир стахановцам ряда заводов автотракторной промышленности выдавались безвозвратные (!) ссуды. А желающим вести строительство индивидуальных домов предоставлялся льготный долгосрочный (на 15 лет) кредит.

⁷ Здесь можно согласиться с мнением Дж. Хью, что концепт “Big Deal” более адекватен в отношении 1930-х, чем 1940-х гг. [20].

Нередкими были такие формы стимулирования, как бесплатное снабжение стахановцев билетами в театр, бесплатное дополнительное питание. Стахановцев премировали дефицитными для того времени товарами: радиоприемниками, часами, мебелью и т.п. Наиболее выдающиеся стахановцы отрасли в 1935–1936 гг. стали владельцами автомобилей [21, с. 33, 50, 60].

Но с помощью чего достигались эти высокие заработки? В чем, собственно, заключался стахановский метод высоких трудовых достижений? Это вопрос, суть которого была и остается не столь очевидной. Пожалуй, наиболее остро и достаточно всесторонне эту проблему впервые в отечественной историографии обозначил в своей книге О.А. Ерманский [22]. Стахановское движение он интерпретировал с точки зрения развития принципов рационализации производства, то есть «использования скрытых резервов производства». Сам он под этим подразумевал наиболее рациональные способы подбора, подготовки, расстановки и наиболее эффективного согласования факторов производства во времени, в пространстве и в расходуемых силах [там же, с. 24]. Отметим в этой связи, что многие из перечисленных способов рационализации были творчески развиты стахановцами, хотя и не всегда они были первооткрывателями каких-то определенных технологических новаций. Так, в основе рекорда А. Стаханова лежало устойчивое разделение между основными и вспомогательными операциями, именно освобождение забойщика от задач крепления лавы⁸. Отчасти это даже было возвращением к «функциональному» принци-

⁸ До разделения труда в лаве А. Стаханова, разрезанной на восемь уступов, работало в две смены 23 горняка. При этом в обязанность забойщика входила задача — вырубить и закрепить свой уступ. Отсюда реально вырубкой забойщик был занят только 2 ½–3 часа. После рекордной работы А. Стаханова на участке оставили 5 забойщиков, 5 крепильщиков и одного человека для смены отдыхающим. В результате производительность отбойного молотка возросла с 13–14 т на выход до 60–65 т [23].

пу разделения труда, разгромленному в 1931 г. И этот тонкий момент Ерманский также не оставил без внимания. Здесь таилась опасность впасть в грех «функционалки». Очевидно также, что использование разного рода специальных «приспособлений» при обработке металла станочниками, как и увеличение скорости резки металла, не были чем-то чрезвычайно новым для производства. Новым было то, что стахановское движение обеспечивало систематическое внимание рабочих к технике, «суммируя и комбинируя импульс НОТ с перевыполнением норм выработки отдельными рабочими» [2, р. 296]. В конечном счете, оно поддерживало определенный уровень массового энтузиазма в отношении овладения новой техникой.

Вместе с тем стахановский метод внутрицеховой рационализации заключал в себе серьезные издержки. Наличный уровень производительных сил и производственной инфраструктуры, организации производства и качества трудовых ресурсов, — объективно препятствовали глубокому разделению труда. В советской промышленности и так наблюдалась избыточность вспомогательного персонала. И наращивать его еще в большем объеме означало бы превращение рабочих мест в сплошную толчею по большей части незанятых работников. Поэтому очень скоро реальные заботы производства поставили в повестку дня необходимость совмещения профессий, чего не избежала и угледобыча. Да и многостаночничество как способ обслуживания разных типов оборудования явно не резонировало с коренным стахановским методом разделения труда. А между тем, предвоенное наращивание вооруженных сил неизбежно обобщалось именно таким использованием редуцирующей рабочей силы.

Результаты рекордов стахановцев очень скоро стали осуждаться как «рекордсменство». И понятно почему. Как правило, такие рекорды обеспечива-

лись посредством экстраординарного снабжения и создания других благоприятных условий, ведущих к обескровливанию других производственных участков. Во-вторых, результаты таких рекордов зачастую лишь наращивали объемы некомплектов, но слабо сказывались на конечном выпуске продукции. Это явление точно описывал многолетний хроникер стахановского движения С.Р. Гершберг: «На некоторых машиностроительных заводах литейные цехи перестали поспевать за металлообрабатывающими, где токари, фрезеровщики, сверловщики применяли скоростные методы. В свою очередь, сборочные цехи не могли “переварить” усилившийся поток деталей, поступающих из механических цехов. Образовались чрезмерно большие заделы, а конечная продукция не всегда возрастала» [24, с. 113–114].

Одним из способов «омассовления» движения стали кампании стахановских смен, пятидневок и т.п., а также организация стахановской работы отдельных подразделений. Инициатором этой полосы стахановского движения стал тот же Донбасс, где 30 ноября 1935 г. впервые спустилась стахановская смена. Затем стахановские сутки, смены, декады стали распространяться повсеместно. Как правило, за счет сосредоточения средств и усилий в эти отдельные моменты плановые задания перевыполнялись в 1,5–2 раза и более⁹. Поэтому неудивительно, что со второй половины января 1936 г. руководство промышленности форсировало переход к более длительным срокам коллективной стахановской работы — к стахановским декадам, полумесячникам и двухдекадникам. Наконец, целый месяц март был объявлен месяцем стахановской работы. Но результат был предопределен: такие штурмы

⁹ Например, при проведении стахановских суток на Тульском оружейном заводе 36 рабочих, ранее не выполнявших норм, выполнили их от 107 до 252 % (Государственный архив Тульской области (ГУ ГАТО). Ф. П-3. Оп. 3. Д. 251. Л. 120).

по определению должны были обернуться «штурмовщиной». Именно это и прозвучало на отраслевой конференции тяжелой промышленности в начале марта 1936 г.: «Стахановцы и отдельные цехи значительно перевыполняли нормы, а план выпуска годовой продукции не выполнялся. Погоня за процентами увеличила и без того большую некомплектность, вырос брак, увеличились поломки инструментов и даже агрегатов. Один рабочий Уралмаша сломал 60 резцов стоимостью в 2 тыс. рублей» [22, с. 265]. По этой же причине организованные стахановские коллективы — бригады, участки, линии — также никак не могли существенно повлиять на конечные результаты производства. Не случайно, что в этот период так и не удалось создать «стахановского» предприятия.

Между тем, за указанными выше феноменами скрывалось более существенное явление, касающееся сути стахановского метода. Речь идет о том, что в немалой степени в содержание стахановского движения включался принцип усиления психофизической нагрузки на работника. «Стахановское движение стало эпифеноменом для значительного расхода любого вида энергии. Например, если руководитель предприятия оказывался не в состоянии преодолеть узкие места на своем заводе, он пытался спасти себя, действуя с помощью “стахановских дней” (точнее “стахановские суток”))» [25, р. 196]. Другими словами, лозунг «выжать все из техники» означал также «выжать все из людей». Французский марксист Ш. Беттельхейм в этой связи, напоминая положение Маркса о том, что уплотнение рабочего дня ведет к абсолютному производству прибавочной стоимости, заключал: «Таким образом, изменения производственных процессов, вызванных стахановским движением, в целом воплощались в капиталистической форме этих процессов. Они соответствовали его конечному развитию. Они не открывали путь к коллективному труду на про-

изводстве, но скорее вели к его индивидуализации, а тем самым к деградации и усиленной интенсификации. Они исходили из тех же позиций, что и тейлоризм...» [26, р. 155]¹⁰.

Однако главное касалось заработков. Стахановское движение разрушало «нэповский социальный пакт» в отношении того, что нормы выработки соотносятся с фактической выработкой среднего работника. Теперь нормы выработки соотносились со стахановскими достижениями, что влекло за собой увеличение темпа работы, увеличение количества сверхурочных и / или расширения оппортунистических практик в социологическом значении данного термина. Стахановское давление на нормы не могло не увеличить масштаб применения таких практик, ведущих к инфляции заработной платы и сдерживанию норм выработки. Такое поведение, отмечал Д. Филтцер, было совершенно рациональным ответом руководителей и рабочих в противовес оказываемому давлению [27, р. 212]¹¹. Прежде всего, это касалось установления заниженных норм и завышенных расценок, поскольку на местах всегда существовали возможности их индивидуально-го толкования. Распространенными способами поддержания необходимого уровня выполнения норм, а значит и заработков, были сверхурочные, приписки, в том числе включение в качестве нормативной бракованной продукции. В своем приказе от 27 января 1939 г. по НКТП Л.М. Каганович признавал: «Установленные в 1936 году нормы выработки были впослед-

¹⁰ Об этом же писал О.А. Ерманский: «И все-таки царящая в иных головах старая, дореволюционная, тейлористская закуска, мысль об интенсификации труда приносит большой вред... Легче, конечно, интенсифицировать труд, механически повышая нормы выработки, чем повышать производительность труда путем рациональной организации...» [22, с. 300].

¹¹ Д. Филтцер составил целую классификацию этих практик с подробными примерами из советской печати, некоторые из которых приводятся ниже [27, р. 212–222].

ствии многими руководителями шахт и участков произвольно снижены, что привело к вредному разнообразию в нормах выработки и расценках на одинаковых работах и множественности и дробности норм»¹². Иногда случалось так, что при существенном перевыполнении норм выработки работниками предприятия его производственный план не выполнялся¹³.

Возможности для роста заработков открывались с помощью манипуляций с размером прогрессии, которую иногда применяли даже в отношении невыполненной нормы. «Прогрессивка внутри нормы» была фактически узаконена для предприятий хлопчатобумажной промышленности вплоть до 1938 г. Многие, если не большинство предприятий, продолжали исключать простои, когда рассчитывали выполнение норм, несмотря на многочисленные директивы о том, что нормы должны исчисляться на основе общего рабочего времени. Другой способ защиты заработков заключался в том, что прогрессивно оплачивались более легкие виды работ, а более сложные — на основе прямой сдельщины. Такие приемы, в частности, применялись в 1937 г. на заводе сельскохозяйственного машиностроения в Ростове и на машиностроительном заводе «Свет шахтера» в Харькове¹⁴. При этом с развитием стахановского движения отнюдь не канула в лету практика специального премирования, в немалой степени нивелирующая негативные последствия жесткой сдельщины. В 1936 г. правительство фактически развязало руки руководителям в отношении премиальных выплат путем создания «директорского фонда»¹⁵.

¹² Коммунар (Орган Тульского обкома и горкома ВКП (б), оргкомитета ВЦИК и Горсовета). 1939. 6 февр.

¹³ Труд. 1940. 17 янв.

¹⁴ За индустриализацию. 1937. 9 июня; 22 июля.

¹⁵ «Фонд директора» финансировался из прибыли: 4 процента из запланированной прибыли и 50 % «сверх плана», ассигнуемой поквартально. Не менее чем половина фонда использова-

Однако не стоит забывать, что для определенной части рабочих выполнение норм было значительной проблемой. Например, к концу 1936 г. количество рабочих в тяжелой промышленности, не выполняющих нормы, составило 15,7 %. В каменноугольной промышленности, где и зародилось стахановское движение, к концу 1936 г. 38 тысяч сдельщиков (16,7 %) не выполнили нормы¹⁶. То есть на предприятиях существовала достаточно стабильная группа аутсайдеров. Это мы видим и по данным о выполнении новых норм выработки рабочими Тульского патронного завода, где в среднем они были ужесточены на 30,6 %. Но обращает на себя внимание группа рабочих, выполняющих нормы от 100 до 119 %. В июне июле 1936 г. таких было более 70 %¹⁷. Очевидно, что в эту группу попадала немалая часть рабочих, не желающих увеличивать свою выработку. Именно в этом пункте мы подходим к ключевой проблеме, а именно — к сопротивлению стахановскому движению.

Необходимо осознавать, что оппозиция движению была как со стороны рабочих, так и со стороны руководителей. Что касается рядовых рабочих, то именно они непосредственно на себе испытывали результат существенного повышения норм, а также скудного снабжения. Поэтому при отсутствии официальных каналов выражения недовольства они выплескивали его в непубличных формах, начиная от едких замечаний в сторону отдельных стахановцев, повреждения

лась для строительства жилья, остаток — на детские сады, клубы, столовые и т.д., для премий за хорошую работу, за рационализацию и техническую пропаганду. Премии отдельным работникам назначались директором согласно классификации различных групп (рабочие, служащие, стахановцы и т.д.), которые одобрялись им и заводским комитетом. Одобрение комитета требовалось и по другим затратам из этого фонда.

¹⁶ Цагурия М. Новые нормы стали старыми // Правда. 1937. 11 апр.

¹⁷ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 405. Л. 9.

их инструментов и агрегатов и вплоть до физической расправы над ними. Например, в докладных записках Тульского горкома ВКП (б) о развитии стахановского движения приводились такие примеры. Работница Тульского оружейного завода (ТОЗ) Тихонова «показала высокую производительность, и вот тут отставшая работница т. Нефедова проявила к т. Тихоновой озлобление, заявив ей: “Ты зачем повышаешь норму, чтобы сказать, что мы плохо работаем, выскочка, что тебе больше всех нужно”». В цехе № 6 Тульского патронного завода (ТПЗ) кладовщицы Алехина и Шорникова на требования стахановцев дать им ножовок, заявили: «вы хотите побольше заработать, ну вас к черту, не дадим ножовок». «В цехе № 4 ТОЗ коммунисты Комаров и Озерский в группе беспартийных рабочих говорили: «Не спеши работать». Иногда недовольство прорывалось и на собраниях. Так, в цехе № 4 ТОЗ «во время проработки речи т. Сталина на совещании стахановцев выступил один беспартийный рабочий и сказал о том, что он слышал, что тов. Стаханов сломал себе спину. Партгрупповод тов. Фролов ... разъяснил рабочим, что это выступление является контрреволюционным и т.д.»¹⁸.

Конечно, физическое насилие в отношении стахановцев жестко пресекалось. Хотя такие случаи все-таки имели место. Например, рабочий в Москве напал с ножом на стахановца, угрожая порезать всех стахановцев «на куски». А в 1938 г. за атаку на стахановца была осуждена целая группа рабочих в Татарской АССР¹⁹. Однако основная форма недовольства рабочих движением носила отнюдь не открытый характер. Поскольку это касалось внутрицеховых отношений между рабочими, власть зачастую закрывала глаза на словесные выпады и «хулиганские выходки» в отношении стаха-

¹⁸ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 251. Л. 57, 72, 90; Д. 238. Л. 11.

¹⁹ Сведения почерпнуты Д. Филтцером из прокурорского журнала «Социалистическая законность» [27, р. 204].

новцев. Пресекались главным образом политические выводы, которые квалифицировались как вражеские, контрреволюционные и т.д. Например, на заводе им. Крыленко в Туле было зафиксировано высказывание экономиста Потапова: «Стахановское движение это эксплуатация злей, чем на фордовских предприятиях. Если вам нужны стахановцы, вы снизьте нормы, тогда у вас все будут стахановцы». В результате он был уволен с завода и исключен из профсоюза²⁰.

Действительно, особенно непросто складывалось отношение стахановцев с руководством, главным образом низового уровня. Как справедливо отмечал Л. Сигельбаум, стахановское движение «было направлено на укрепление дисциплины управленческого и инженерно-технического персонала, который научился игнорировать, обходить или интерпретировать в свою пользу распоряжения, направляемые сверху. И только в этом отношении стахановское движение фундаментально отличалось от тейлоризма, который пытался увеличить власть руководителей. Тем самым власть руководителей была обратно пропорциональна акценту, данному властью этому движению» [2, р. 6].

Итак, в чем же заключались негативные последствия стахановского движения для руководителей? Прежде всего, стахановцы существенно поколебали внутренний рынок труда в сторону уменьшения распорядительной власти мастеров и начальников цехов. Именно на плечи последних падала политическая ответственность по поддержанию требуемого процента передовиков производства. Однако если в нэповский период руководство могло выстраивать отношения фаворитизма на основании принципа взаимности главным образом с квалифицированной частью рабочих ремесленного типа, то теперь ему противостояла узко квалифицированная масса, обладающая полити-

²⁰ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 251. Л. 57.

ческой поддержкой власти. Руководству вменялась в обязанность обеспечение стахановцев лучшими инструментами, качественными материалами, выгодными нарядами. Очевидно, однако, что такая инфляция требований не соответствовала реальным возможностям производства, что неминуемо вело к конфликтам. Вот характерные выступления стахановцев ТПЗ 28 ноября 1935 г.: «Нас стахановцев один раз собрали и потом забыли. Партийная и проф.[союзная] организация с нами плохо работают и не помогают. Недостает у нас инструментов, материалов, много времени уходит на розыски этого»²¹.

Как обычно власть использовала два метода при решении проблемы — поощрения и наказания. Что касается поощрения, то с началом стахановского движения система оплаты труда ИТР была существенно перестроена в направлении премиального поощрения по результатам выполнения плановых заданий. Например, руководящий состав 2-го цеха ТОЗ, перевыполнившего октябрьскую программу 1935 г., получил серьезную доплату к ставке. Начальник цеха получил 147 % доплаты к своей ставке, а старший мастер отделения № 10 — 186 %. Наоборот, старшие мастера 4-го и 5-го отделений этого же цеха, не выполнившие своих заданий, получили лишь 80 и 84 % ставки²². То есть наиболее передовая часть ИТР помогала внедрению «стахановских мероприятий», используя их в интересах производства. И это было не только рациональным ответом на заданные условия. Например, один из лучших руководителей ТОЗ — начальник цеха № 3 Ф.К. Чарский — реализовал у себя в цехе целую серию таких мер. Часть переходов была переведена с ручной обработки на станочную, благодаря чему производительность труда в ряде случаев увеличилась на 50 %. Также было произведено дробление операций,

²¹ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 251. Л. 86-88.

²² Там же. Л. 40.

что дало увеличение производительности на отдельных переходах на 80 % и позволило сократить рабочую силу²³. То есть здесь мы видим положительные следствия стахановского движения для внутрицеховой организации труда. О том, что они имели место, свидетельствуют и некоторые ответы советских послевоенных эмигрантов, занимавших руководящие посты внутри производственной иерархии. В частности, один из бывших мастеров на вопрос, затрудняли ли его работу стахановцы, ответил так: «Нет, наоборот. Они делали ее легче. Раз рабочий был стахановец, он знал свою работу и мастер мог положиться на него» (цит. по: [2, р 192]).

Однако не везде существовали условия и возможности проявления «линии наибольшей эффективности». В немалой степени и из-за качества самих руководящих кадров. Если мы обратимся к «случаю в цехе № 3» ТПЗ в начале 1937 г., то увидим показательный пример наказания руководителя в контексте стахановского движения и начавшихся чисток²⁴. Суть дела заключалась в следующем. Начальник этого цеха Земский, пользуясь покровительством директора завода Северного, с кем он был связан родственными отношениями, организовал в своем цехе целую систему злоупотреблений. И хотя в принципе каждое из этих злоупотреблений встречалось и во многих других местах, но здесь их концентрация явно превзошла порог терпимости. Поскольку цех допускал серьезное отставание в выполнении плана в течение длительного времени, да к тому же звучали постоянные жалобы от отдельных стахановцев, то в дело вмешались «сторонние» организации. Сначала — районные партийные органы, а затем — и карательные. Последовавшие за «разоблачением» собрания вскрыли существенные грани этой неприглядной истории. Так, огромный пе-

²³ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 251. Л. 39-40.

²⁴ Там же. Д. 515. Л.1-93; Д. 517. Л. 1-98.

перасход заработной платы в цехе выразился в сумме более полутора миллионов рублей за десять месяцев 1936 г. Такой перерасход во многом был обусловлен наличием огромного количества сверхурочных, оплачиваемых в двойном размере. Но не только. Не будучи инженером, Земский «умело» создавал в цехе не столько технико-организационные, сколько «благоприятные» условия оплаты труда. Перейдя в сентябре 1935 г. в цех, он, прежде всего, добился прогрессивной оплаты труда чуть ли не в трехкратном, а затем и пятикратном размере. Удалось ему отстоять и заниженные нормы выработки. Неудивительно, что в цехе все было в порядке относительно количества стахановцев (808 чел., около $\frac{2}{3}$ заводских стахановцев).

Однако щедрые выплаты в пользу таких стахановцев не всегда работали. Организационно-техническая некомпетентность руководителя способствовала масштабному производству брака: возврат ОТК цеху составлял 30–35 %. Поэтому Земский пытался организовать пропуск бракованных гильз помимо военпреда. Для этого он во вторую смену организовали так называемую шабровку пузыря, т.е. сглаживание образовавшихся пузырей с поверхностью гильзы. И почти все ему сходило с рук, поскольку до поры он был защищен отношениями взаимной поруки, подкрепленной отношениями явной и неявной коррупции, в том числе и в отношении определенного круга стахановцев цеха. «Какое создавалось положение в цехе? В то время, когда лучшие люди, лучшие нарезники зарабатывали по 500 рублей, некоторым из них платили полторы тысячи рублей и до двух тысяч рублей. Это способствовало тому, что среди людей создавался антагонизм»²⁵. Такое манипулирование было естественным следствием самих бюрократических процедур определения критериев производственного успеха.

²⁵ ГУ ГАТО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 517. Л. 39.

Таким образом, стахановское движение привело к качественному сдвигу в производительности труда на основе освоения новой техники, утверждения материального интереса работника. Одновременно движение стахановцев имело громадное воспитательное значение, поскольку стало важным этапом в повышении роли передового рабочего, утверждения советского индустриального патриотизма. Вместе с тем стахановское движение породило ряд проблем внутри советского производства. Нередко стахановские рекорды достигались за счет ущемления интересов других работников, «рвался» устойчивый ритм работы предприятий, обозначился феномен «бумажных» передовиков. К тому же, стахановское движение разрывало «нэповский социальный пакт» в отношении меры напряженности норм выработки. Поэтому немалая часть рабочих не выполняла норм или сдерживала свою выработку. Нельзя не отметить и факты многочисленных случаев сопротивления стахановскому почину во внутрицеховой среде. В определенной степени стахановцы подрывали распределительные полномочия линейных руководителей — мастеров и начальников цехов. И еще предстоит в полной мере выяснить роль стахановского движения в контексте чистки советской хозяйственной элиты в общем русле «Большого террора». В целом же оно выполнило свою миссию, прежде всего укрепив социально-политическую опору советской экономики. Нелишне будет напомнить: в годы Великой Отечественной войны практики трудового героизма, патриотической самоотдачи будут востребованы в полной мере.

Список использованной литературы

1. Davies R.W. Stakhanovism and the Soviet System: a Review Article / R.W. Davies // Soviet Studies. — 1989. — Vol. 41, no. 3. — P. 484–487.
2. Siegelbaum L.H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935-1941 / L.H. Siegelbaum. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988. — XV, 325 p.

3. Лень П.М. Алексей Стаханов. Взлёт и забвение / П.М. Лень — Тула : Гриф и К, 2006. — 450 с.
4. Рябикин С.П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения (1935-1938 гг.) / С.П. Рябикин // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова — филиала Российской таможенной академии. — 1997. — № 1 (3). — С. 201-210.
5. Рябикин С.П. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935-1938 гг. / С.П. Рябикин // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова — филиала Российской таможенной академии. — 1997. — № 2 (4). — С. 196-206.
6. Романов Р.Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941-1945 годов (на материалах сибирского военпрома) / Р.Е. Романов // Исторический курьер. — 2020. — № 1 (9). — С. 69-80.
7. Чемоданов П.А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип / П.А. Чемоданов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3-1. — С. 190-194.
8. Войтович В.Ю. Зарождение стахановского движения — путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртии) / В.Ю. Войтович // Научное обозрение. Экономические науки. — 2017. — № 1. — С. 13-19.
9. Миргородова Ю.М. Стахановское движение на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в 1933-1940 гг. / Ю.М. Миргородова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 5 (81). — С. 95-99.
10. Невзорова И.В. Что значит работать «по-стахановски»? О критериях стахановского труда (на материалах Оренбургской области) / И.В. Невзорова // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 12-13 марта 2020 г. : в 2 т. / ред. С.В. Любичанковский. — Оренбург, 2020. — Т. 1. — С. 232-236.
11. Девис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930-1933 годы / Р.У. Девис // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 198-210.
12. Девис Р. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики / Р. Девис, О.В. Хлевнюк // Отечественная история. — 1994. — № 3. — С. 92-108.

13. Davies R.W. Stackhanovism and the Soviet Economy / R.W. Davies, O. Khlevnyuk // Europe-Asia Studies. — 2002. — Vol. 54, no. 6. — P. 867–903.

14. Siegelbaum L.H. Soviet Norm Determination in Theory and Practice / L.H. Siegelbaum // Soviet Studies. — 1984. — Vol. 36, iss. 1. — P. 45–68.

15. Кузьминов И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования / И.И. Кузьминов. — Москва : Соцэкгиз, 1940. — 220 с.

16. Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев 17 ноября 1935 г. / И.В. Сталин // Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 14-17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. — Москва : Партиздат, 1935. — С. 365–370.

17. Григорьев А. Вопросы производительности труда в промышленности / А. Григорьев // Плановое хозяйство. — 1938. — № 2. — С. 69–86.

18. Зворыкин А.А. Очерки по истории советской горной техники / А.А. Зворыкин. — Москва : Изд-во АН СССР, 1950. — 540 с.

19. Сталин И.В. Выступление на приеме металлургов 26 декабря 1934 г. / И.В. Сталин // Сочинения. — Москва : Писатель, 1997. — Т. 14. — С. 48–50.

20. Hough J.F. Introduction to first edition / J.F. Hough // In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction / V.S. Dunham. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 283 p.

21. Сахаров В.А. Зарождение и развитие стахановского движения (На материалах автотракторной промышленности) / В.А. Сахаров. — Москва : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985. — 121 с.

22. Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы / О.А. Ерманский. — Москва : Соцэкгиз, 1940. — 372 с.

23. Стаханов А.Г. Речь на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев 14 ноября 1935 г. / А.Г. Стаханов // Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 14-17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. — Москва : Партиздат, 1935. — С. 10–16.

24. Гершберг С.Р. Стаханов и стахановцы / С.Р. Гершберг. — 2-е изд. — Москва : Политиздат, 1985. — 208 с.

25. Schwarz S.M. Labor in the Soviet Union / S.M. Schwarz. — New York : Praeger, 1952. — XVIII, 364 p.

26. Bettelheim Ch. Class Struggles in the USSR: Third Period: 1930–1941 / Ch. Bettelheim. — Madras : T.R. Publ., 1994. — Pt. 1: The Dominated. — XXVI, 301 p.

27. Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization of Modern Soviet Production Relation, 1928-1941 / D. Filtzer. — London : Pluto Press, 1986. — XV, 318 p.

References

1. Davies R.W. Stakhanovism and the Soviet System: a Review Article. *Soviet Studies*, 1989, vol. 41, no. 3, pp. 484–487.

2. Siegelbaum L.H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935-1941*. Cambridge University Press, 1988. XV, 325 p.

3. Len P.M. Alexey Stakhanov. The Triumph and Oblivion. Tula, Grif i K Publ., 2006. 450 p.

4. Ryabikin S.P. Economic and Political Content of Stakhanovism (1935-1938). *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova – filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Letters of Russian customs academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 1997, no. 1, pp. 201–210. (In Russian).

5. Ryabikin S.P. Economic and political content of Stakhanovism from 1935 to 1938. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova – filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Letters of Russian customs academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 1997, no. 2, pp. 196–206. (In Russian).

6. Romanov R.E. Archetype, Tradition, Modern: The Phenomenon of Stakhanov's Work 1941-1945 (Based on the Materials of the Siberian Military Industry). *Istoricheskii kur'er = Historical Courier*, 2020, no. 1, pp. 69–80. (In Russian).

7. Chemodanov P.A. The Soviet Stakhanovite of the Second Half of the 1930s as a Cultural-Psychological Type. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 3-1, pp. 190–194. (In Russian).

8. Wojtowicz V.Y. The Birth of the Stakhanovite Movement — a Way to Socio - Economic Development of Russia (on Materials of the Udmurt Republic). *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki = Scientific Review. Economic Sciences*, 2017, no. 1, pp. 13–19. (In Russian).

9. Mirgorodova Yu.M. Stakhanovism in Companies of Sugar-Beet Industry in the Kursk Region from 1933 to 1940. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = The Scientific notes of the Russian State Social University*, 2010, no. 5, pp. 95–99. (In Russian).

10. Nevzorova I.V. What does it mean to work like Stakhanov? On criteria of Stakhanovism (based on materials of Orenburg region). In Lyubichankovskii S.V. (ed.). The 10th Readings from Bolshakov. Orenburg Territory as Historical and Cultural Phenomenon. *Collected Papers Based on the Materials of International Scientific and Practical Conference, Orenburg, 12–13 March 2020*. Orenburg, 2020, vol. 1, pp. 232–236. (In Russian).

11. Davies R.W. Soviet Economy during the Downturn. 1930–1933. *Istoriya SSSR = History of the USSR. История СССР*, 1991, no. 4, pp. 198–210. (In Russian).

12. Davies R.W., Khlevnyuk O.V. The Second Five-Year Plan: the mechanism for Economic Policy Shift. *Otechestvennaia istoriia = National History*, 1994, no. 3, pp. 92–108. (In Russian).

13. Davies R.W., Khlevnyuk O. Stakhanovism and the Soviet Economy. *Europe-Asia Studies*, 2002, vol. 54, no. 6, pp. 867–903.

14. Siegelbaum L.H. Soviet Norm Determination in Theory and Practice. *Soviet Studies*, 1984, vol. 36, iss. 1, pp. 45–68.

15. Kuz'minov I.I. Stakhanovism as the Highest Stage of Socialist Competition. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940. 220 p.

16. Stalin I.V. The Speech to the 1st All-Union Congress of Workers-Stakhanovites of November 17, 1935. The First All-Union Congress of Workers and Stakhanovites on the 14–17th November 1935. Moscow, Partizdat Publ., 1935, pp. 365–370. (In Russian).

17. Grigorev A. Issues on Labor Efficiency of Manufacturing Industry. *Planovoe khozyaistvo = Planned Economy*, 1938, no. 2, pp. 69–86. (In Russian).

18. Zvorykin A.A. Essays on History of Soviet Mining Engineering. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 540 p.

19. Stalin I.V. Speech at the Reception of Metallurgists on December 26, 1934. Works. Moscow, Pisatel Publ., 1997, vol. 14, pp. 48–50. (In Russian).

20. Hough J.F. Introduction to first edition. In Dunham V.S. *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge University Press, 1990. 283 p.

21. Sakharov V.A. Birth and Development of Stakhanovism (based on materials of automotive and tractor industry). Lomonosov Moscow State University Publ., 1985. 121 p.

22. Ermanskii O.A. Stakhanovism and Stakhanovite methods. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940. 372 p.

23. Stakhanov A.G. The Speech to the 1st All-Union Congress of Workers-Stakhanovites of November 17, 1935. The First All-Union Congress of Workers and Stakhanovites on the 14–17th November 1935. Moscow, Partizdat Publ., 1935, pp. 10–16. (In Russian).

24. Gershberg S.R. Stakhanov and Stakhanovites. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 208 p.

25. Schwarz S.M. *Labor in the Soviet Union*. New York, Praeger, 1952. XVIII, 364 p.

26. Bettelheim Ch. *Class Struggles in the USSR: Third Period: 1930–1941*. Madras, T.R. Publ., 1994. XXVI, 301 p.

27. Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization of Modern Soviet Production Relation, 1928–1941*. London, Pluto Press, 1986. XV, 318 p.

Информация об авторе

Володин Сергей Филиппович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальных наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация; e-mail: volodin93@yandex.ru. SPIN-код: 4536-9573; AuthorID: 505942.

Author

Sergey F. Volodin — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Social Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, the Russian Federation; e-mail: volodin93@yandex.ru. SPIN-код: 4536-9573; AuthorID: 505942.

Для цитирования

Володин С.Ф. Стахановское движение и политика повышения эффективности труда во второй половине 1930-х годов (на примере тульских оружейников) / С.Ф. Володин. — DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(3).463-490. // Историко-экономические исследования. — 2021. — Т. 22, № 3. — С. 463–490.

For Citation

Volodin S.F. Stakhanovite Movement and the Policy of Labour Efficiency Improvement in the Second Part of the 1930s (by the Example of Tula Gunsmiths). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 463–490. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(3).463-490. (In Russian).